

В XIX и в начале XX века слово «варнак» в Сибири было общеупотребительным. Им, как правило, обозначали человека, отбывающего срок, или бежавшего с сахалинской или забайкальской каторги. Так в известном «Толковом словаре» Владимира Даля оно обозначалось, как «каторжный»¹. Существует специальное сибирское слово «варнак». «Варнак» — значит бродяга, беглый каторжанин; хуже наименования нет. Невольно этот термин вошел и в русскую литературу. Иногда он звучал простодушно, как беззлобное ругательство в отношении лица, провинившегося в чем-либо. Его неоднократно использовал Д.Н. Мамин-Сибиряк в романе «Золото», например:

«— Ах вы, варнаки! — ругался объездной, усаживаясь в седле. — Плачет об вас острог-то, клейменные... Право клейменные!.. Ужо вот я скажу в конторе, как вы дудки-то крепите»². Или в качестве укорения себя в душевных муках, как у одного из героев романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: «Одно решите мне, одно! — сказал он мне (точно от меня теперь все и зависело), — жена, дети! Жена умрет, может быть, с горя, а дети хоть и не лишатся дворянства и имени, — но дети варнака, и навек. А память-то, память какую в сердцах их по себе оставлю!»³.

Со временем слово перебралось и в современную литературу. В.С. Пикуль одну из последних глав своего известного романа «Слово и дело», посвященную адмиралу Ф.И. Соймонову, назвал «Сибирский варнак», где в частности написал: «14 марта 1757 года бывший сибирский варнак был назначен губернатором Сибири...»⁴.

Но чаще всего под ним виделось что-то дикое, злое, несущее с собой смерть и насилие. Иные писатели своим творчеством как бы подтверждали этот тезис. Так, Н.А. Некрасов в поэме «Русские женщины», говоря словами губернатора о Нерчинской каторге в Забайкалье, написал:

*«Там люди редки без клейма, и те душой черствы;
На воле рыскают кругом там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом, глубоки рудники...
Пять тысяч каторжников там, озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам, убийства и разбой...»⁵.*

Другие его опровергали, видя в беглом каторжанине лицо загнанное, жестокость которого проявлялась только в условиях безысходности, борьбы за собственную жизнь, но не как свойство личности.

¹Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах, Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 408 столбец.

²Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото: роман, рассказы, повесть. Минск: Издательство «Беларусь», 1983. С. 13.

³Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2015. С. 375.

⁴Пикуль В.С. Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны. Книга вторая. М.: Современник, 1991. С. 607.

⁵Некрасов Н.А. Русские женщины / Н.А. Некрасов. Стихотворения и поэмы. М.: «Советская Россия», 1984. С. 144.

Наиболее интересные воспоминания о каторге оставил Антон Павлович Чехов, совершивший в 1890 году путешествие через Сибирь на Сахалин. Сталкивался с варнаками и Николай Аполлонович Байков, служивший в 1910-е годы офицером охраны на Китайско-Восточной железной дороге в Маньчжурии, где во время многодневных путешествий, в качестве промысловика, по глухим таежным местам невольно сталкивался с беглым человеком, и составил о нем свое собственное мнение. Интересен рассказ Владимира Галактионовича Короленко «Соколинец», посвященный судьбе беглого сахалинского каторжанина Василия. Служил проповедником и духовником на Нерчинской каторге в Забайкалье, представлявшей собой совокупность тюрем и заводов, с 1900 года архимандрит Спиридон (Кисляков; 1875–1930), оставивший нам в наследство свои дневники, выходящие отдельными книгами. Да и многие писатели России, такие как Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, В.П. Астафьев, П.И. Мельников-Печерский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.А. Гиляровский и др. не миновали в своем творчестве образа каторжанина, его облика, мыслей и поведения.

Если говорить о составе каторжан, то Н.А. Байков писал, что обычно контингент каторжан комплектовался из крестьян и рабочих центральных губерний России. Значительный процент представляли жители Кавказа, отбывавшие каторгу за убийство по алату кровной мести. В большинстве своем эти «несчастные», как их называли в России, не были уголовниками в прямом смысле этого слова, а являлись жертвами темперамента, суеверий, нравственной неустойчивости, а иногда и юридических ошибок. Были среди них и преступные типы, но они рано или поздно погибали из-за своих преступных наклонностей. Как бы подтверждая истинность слов Байкова, В.Г. Короленко писал: «Сибирь приучает видеть и в убийце человека»⁶. Архимандрит Спиридон (Кисляков), как священник, начиная свои проповеди перед каторжанами, отбывавшими срок на Нерчинской каторге, обращался к ним: «Достолюбезные узники» или «Возлюбленные мои». Он же, как бы определяя типичный состав преступлений, совершенных узниками, в своих дневниках описал памятные ему встречи, озаглавив их: «Семинарист-убийца», «Инженер-святоотатец», «Одессит-разбойник», «Красавец-клептоман», «Священник-казнокрад», «Юный террорист» и др. Это говорит о том, что практически за любое преступление можно было оказаться на каторге, кроме того в Акатуйской тюрьме Забайкалья были сосредоточены так называемые «политические», т.е. социалисты и марксисты⁷.

Не все отбывали наказание, как говорят, «от звонка до звонка», случались и побеги с каторги, которые были, в общем-то, делом обычным. Иные каторжане умудрялись бежать по нескольку раз за свой срок. Иногда, нагулявшись по тайге, надышавшись воздухом свободы, они возвращались назад. Так, А.П. Чехов, посетив Сахалин, рассказывал, что там были распространены побеги не на материк, а внутрь острова, причинявшие хлопот не меньше, чем побеги на материк⁸. В.А. Гиляровский в рассказе «Беглый» писал: «И манит тайга человека бывалого, неудержимо манит из душной тюрьмы на вольный простор. Рискует старый бродяга попасть под плети, под меткую пулю часового, а все-таки рвется хоть денек послушать кукушку в тайге, поплакать с ней, как и он, бездомной, и умереть,

⁶Короленко В.Г. Соколинец / В.Г. Короленко Повести и рассказы в двух томах. Т.1. М.: Издательство «Художественная литература», 1966. С. 166.

⁷Спиридон (Кисляков), архимандрит. Нерчинская каторга. Земной ад глазами проповедника. М.: Эксмо, 2019. С. 5, 19, 142.

⁸Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. М.: Правда, 1985. С. 345.

отошав с голоду, или опять вернуться в тюрьму, обновленным таежной волей, до следующей весны, до следующих надежд на побег»⁹. Обычно бежали с каторги те, кто не мог примириться с ее режимом, убивающим человеческое достоинство, те, у кого не умерло врожденное стремление вырваться на волю, заставлявшее иногда действовать вопреки здравому смыслу. Сам побег совершался, как правило, ранней весной. Много беглых погибло, а выживали и могли существовать более или менее продолжительное время лишь выдающиеся по своим физическим и духовным качествам элементы. Такие условия жизни среди дремучих лесов, нелегальное положение и всевозможные опасности выработали особый тип людей, отличающихся специфическими качествами, как духовными, так и физическими. Самый маленький процент бежавших, по мнению Н.А. Байкова, принадлежал интеллигенции, не способной по своим физическим качествам осуществить побег в суровых условиях Сибири. Но не все бывало так романтично, Антон Павлович Чехов рассказывал, что «случалось, что каторжные целыми партиями убегали для того только, чтобы «погулять» по острову, и гулянья сопровождались убийствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими население до крайности»¹⁰. А иногда страх перед беглым был очень велик, особенно, когда бежал из кандалной тюрьмы какой-нибудь известный бродяга. Молва разлеталась не только по Сахалину, но и по противоположному берегу материка. Когда бежал заключенный Блоха, то слух об этом навел страх на жителей города Николаева, и исправник вынужден был запросить по телеграфу: правда ли, что бежал Блоха? Как говорил Чехов, Блоха был знаменит своими побегами и тем, что перерезал множество гиляцких семейств¹¹. Бывали побеги и ради мести, и ради любви, и даже ради аферы. Так, по рассказам писателя, каторжане сговаривались с конвоиром или гиляком, что убегут, и последний их поймает, при этом за каждого пойманного получит по три рубля из казны. В условленном месте в тайге или на морском берегу ватага встречалась со своим конвоиром, и смешно было видеть, как тщедушный гиляк, вооруженный палкой, приводил сразу 6-7 плечистых, внушительного вида бродяг. Деньги потом, конечно, делились¹².

Бежали и с Нерчинской каторги Забайкалья. Так писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк свой роман «Хлеб» начинал так:

«— А ты откедова взялся-то, дедко?

— А Божий я ....

— Божий, общит кожей?.. Знаем мы вашего брата, таких-то Божьих... Говори уж прямо: бродяга?

— Случалось... От сумы да от тюрьмы не отказывайся, миленький. Из-под Нерчинска убёг, с рудников.

— Так-то вот ладнее будет... Каторжный, значит?

— Как есть каторжный: ни днем, ни ночью покоя не знаю.

— Ну, мы тебя упокоим... К начальству предоставим, а там на высидку определят пока што.

<...>

— Бродягу поймали? — коротко спросил он.

— Ну-ка, ты, умник, подойди сюда! — приказал писарь.

⁹Гиляровский В.А. Беглый / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 369-370.

¹⁰Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 350.

¹¹Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 357.

¹²Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 351.

Старик подошел к дрогам и пристально посмотрел на сидевшую звать своими моргавшими глазами.

— Умник, а порядка не знаешь! — крикнул писарь, сшибая кнутовищем с головы старика шляпу. — С кем ты разговариваешь-то, варнак?»¹³.

Самым сложным был побег с острова Сахалин, или «Соколиного острова», как его называли каторжане. Обычно подготовка к побегу не была делом секретным, и помощь желающим вырваться на волю оказывалась всей артелью арестантов, которые собирали сухари, провизию, и, как писал Короленко: «У кого были лишние халаты (*служившие платой гилякам за перевозку через Татарский пролив на лодках*), все поступало в пользу беглецов. У всякого арестанта живуче какое-то инстинктивное сочувствие смелой попытке вырваться из глухих стен на вольную волю»¹⁴. Прежде всего, надо было перебраться через Татарский пролив, отделяющий остров от материка, для этого использовалось все от утлой лодчоночки, плота, до бревен, связанных попарно. Большинство гибло в волнах Охотского и Японского морей, куда их сносило течением. При этом даже добраться до пролива было не так просто. А.П. Чехов писал, что еще одним главным препятствием была сахалинская тайга с мошкой, медведями, болотами, непроходимыми зарослями бамбука и валежника, по которым крепкий человек мог делать не более 5 верст в сутки, а истощенный каторжанин, обходя различные посты, не более трех верст. Преодолевая все это, надо было добраться до самого узкого места между островом и материком, мысами Погоби и Лазарева, ширина которого была около шести верст. И вот, вырвавшись из каторги, «проходит в бегах неделя-другая, редко месяц, и он, изнуренный голодом, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, с избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибает где-нибудь в тайге, или же через силу плетется назад и просит Бога, как величайшего счастья, встречи с солдатом или гиляком, который доставил бы его в тюрьму»¹⁵. Те же, кому удавалось переплыть пролив, и добраться до материка около устья Амура, собирались в артели по 4-6 человек и шли на запад по известным «варнацким тропам» к Байкалу. У Амура меньше было опасности погибнуть от голода и мороза. Там было много гиляцких деревушек, города Николаев, Софийск, Мариинск, казачьи станицы, где на зиму можно было наняться в работники, и где даже чиновники давали беглым приют и кусок хлеба¹⁶. Во время своего продвижения на запад беглые крали и не проходили мимо всего того, что им могло пригодиться в пути. Байкал также представлял для них серьезное препятствие, которое также надо было пересечь на плоту или челноке местного туземца-рыболова. Герой рассказа «Соколинец» Буран говорил: «Вдвоем али втроем нечего и идти, — дорога трудная. Наберется человек десять — и ладно»¹⁷. Байков рассказывал, что «Перебраться через Байкал считалось вторым крупным шагом после Татарского пролива. Мало кто решался обойти Байкал с юга или севера, т.к. там их ждала почти верная смерть от пули кордонного стражника или туземного охотника. Последний охотился на беглого, как на зверя, чтобы попользоваться лохмотьями его одежды и обуви, или запасами хлеба, полученного от сердобольных жителей попутных деревень, снабжавших «несчастненьких» одеждой и кое-каким продовольствием. Охота на беглых здесь называлась «охотою на горбачей», т.к. варнаки несли свои

¹³Мамин-Сибиряк Д.Н. *Хлеб. М.: Правда, 1983. С. 19, 21.*

¹⁴Короленко В.Г. *Соколинец. С. 183.*

¹⁵Чехов А.П. *Из Сибири. Остров Сахалин. 346.*

¹⁶Чехов А.П. *Из Сибири. Остров Сахалин. С. 354.*

¹⁷Короленко В.Г. *Соколинец. С. 178.*

пожитки в мешках за спиной»¹⁸. Иногда беглым удавалось раздобыть себе ружья у бродячих инородцев, но это доставалось всегда ценой человеческих жизней. Оружие давало возможность варнаку существовать охотой на крупного зверя и не бояться встречи с вооруженным туземцем. Безоружный туземец опасности для беглого не представлял. По этому поводу Короленко о жителях Сахалина гилияках писал: «Да и где же гилияку с русским человеком силой равняться? Русский человек — хлебной, а он рыбу одну жрет. С рыбы-то много ли он силы наест? Куда им!»¹⁹.

В конечном результате, после скитаний по тайге, беглому иногда удавалось достичь родины, о которой он мечтал и молил: «Пошли, Боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома»²⁰. Он попадал к себе домой, виделся с родными, но существовавшее положение делало его жизнь невыносимой. Ответственности могли подвергнуться родственники за укрывательство беглого, и ему ничего не оставалось, как снова бежать куда глаза глядят, или сдаваться полиции. Такие добровольцы обыкновенно ссылались опять в Сибирь на поселение и жили там до нового побега. Были и такие, которые предпочитали вести бродяжническую жизнь в тайге, превращаясь в закоренелых варнаков-таежников. В.А. Гиляровский в очерке «Каторга», посвященном известному московскому трактиру на Хитровом рынке, писал, что беглые москвичи, увидев родину, становились, как правило, обитателями хитровских трущоб, где такие же обитатели смотрели на беглого, как на героя «варнака Сибирского, генерала Забугрянского»²¹. Еще одной причиной побегов была пожизненность наказания. Закон сопрягал каторжные работы с поселением в Сибири навсегда. Приговоренный к каторге удалялся из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться назад. Каторжные так и говорили про себя: «Мертвые с погоста не возвращаются»²².

С началом строительства КВЖД, беглые могли идти не только по руслу Амура, но и по северной части Маньчжурии, придерживаясь 10-20 километров линии железной дороги. Время от времени они выходили к поселкам и постам охранной стражи, где всегда получали хлеб, а иногда и одежду. Русское население относилось к ним благодушно и помогало по мере возможности, в отличие от местного китайского, настроенного враждебно, вследствие того, что беглые не всегда вели себя корректно по отношению к ним. Владимир Даль в своем Словаре писал, что существовало такое понятие: «Положить варнакам краюху, т.е. уходя на летние работы, пермяки клали на окно хлеб для сибирских бродяг»²³.

Возраст беглых был самым разнообразным, преобладал средний, от 39 до 45 лет. Старики выше 50 лет, ветераны каторги, были вожаками этих своеобразных артелей и хранителями оригинального обычного права. Слишком молодой элемент в этих артелях отсутствовал, т.к. хрупкий, не окрепший физически юношеский организм не выдерживал тяжелых условий таежной жизни и погибал чрезвычайно быстро.

Н.А. Байкову, во время промысла, самому приходилось встречаться с варнаками в маньчжурской тайге. Эти встречи он описывал так: «При встрече с беглыми в тайге мне приходилось проводить с ними более или менее продолжительное

¹⁸Байков Н.А. В делях Маньчжурии. Очерки и рассказы из быта обитателей тайги. Харбин: Типо-Хромо-Литография и Издательство «Офсет-Пресс» Р.М. Бурсун. – 1934. – С. 59.

¹⁹Короленко В.Г. С. 188-189.

²⁰Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 347.

²¹Гиляровский В.А. Каторга / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 82.

²²Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 348.

²³Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 408 столбец.

время, причем отношения между нами всегда были прекрасные, и они никогда не позволяли себе ничего предосудительного. Держали они себя с большим достоинством, были предупредительны и вежливы. Это нельзя объяснить боязнью перед людьми хорошо вооруженными, но своеобразной этикой и традициями.

Особенно памяты для меня были темные таежные ночи у костра, когда группа лесных бродяг, сибирских варнаков, во главе с каким-нибудь седовласым старцем, ветераном сахалинской каторги, затягивала свои печальные, заунывные песни. <...> Каждую песнь начинал «запевало», обладавший сильным, красивым тенором; он исполнял первую фразу песни, которую подхватывал весь хор, состоявший преимущественно из басов, в конце каждой строфы тенора повторяли последнюю фразу, в виде припева. <...> В настоящее время песни эти забываются, и народная память утрачивает их первоначальную чистоту. Слышать их можно только в самых глухих уголках Сибири, от старых каторжан, уцелевших в водовороте житейского моря»²⁴.

Вторя Байкову, Короленко в своем рассказе также писал, что варнаки были очень отзывчивы и благодарны на ту малую помощь, которую они получали от вольных людей, случайно встречавшихся в тайге, и при этом радовались как дети. У них был свой кодекс арестантской чести, которым они очень дорожили. Некоторые бежали с острова по нескольку раз, знали все тайные тропы, заимки, как правило, возглавляли ватаги беглых, и после смерти о них говорили: «Хороший бродяга был, честных правил, хотя и незадачливый»²⁵.

Одну из песен «Тайга-матушка», как наиболее излюбленную и распространенную, Николай Аполлонович Байков записал и передал читателям:

Тайга-матушка

Ой ты, гой еси, тайга-матушка! / Тайга-матушка неисходная!
Ты прими своих обездоленных / Деток с острова Соколиного.
Накорми — одень, приголубь — согрей! / Горе-горькое ты возьми себе!
В теремах твоих, темных урманах, / Всякий зверь живет, птаха вольная,
Птаха вольная, непужоная.
В закромах твоих много золота, / Много золота самородного!
Кряжи горные в небеса глядят! / В небеса глядят, в тучи прячутся
Великаны их белоснежные.
По весне летят гуси-лебеди / На сторонушку, на студеную,
К берегам моря синего / Моря синего, Ледовитого!
Чу! Кричит гуран зорькой ясною! / Зорькой ясною и росистою.
По горам идет эхо звонкое / Эхо звонкое, серебристое.
Вдаль бежит оно, заливаётся, / В каждой падушке откликается...
Догорел костер в ночьку темную, / В ночьку темную, непроглядную...
Прошумел в тайге ветер с полудня, / И запел косач песню вешнюю,
Песню вешнюю и призывную.
В небесах слышать, — журавли летят, / Журавли летят вереницею...
В темной падушке, по тропе лесной / Варнаки идут, озираются,
На родную Русь пробираются.

²⁴Байков Н.А. В дѣбрях Маньчжурш. С. 61.

²⁵Короленко В.Г. С. 195.

Ой ты, гой еси, море синее, / Море синее, Байкал-озеро!
 Байкал-озеро, отец-батьюшка! / Пощади своих обездоленных
 Деток с острова Соколиного! / И снеси их челн на крутой спине
 На ту сторону, на заветную...
 В бурю черную, в непогодушку / Плачет жалобно чайка белая,
 Чайка белая, сизокрылая.
 Знать в недобрый час собиралися / В путь дороженьку горемычные!
 Их убогий челн опрокинулся / И на гребнях волн уж качается.
 А Байкал седой дышит злобою, / И смеется, знай, заливается.
 Не шуми ты, мать-тайга старая, / Тайга старая, неисходная!
 Ты не плачь, сестра, — чайка белая, / Чайка белая, сизокрылая!
 По весне опять тропкой битую / Варнаки пойдут вереницею
 На сторону на родимую, / На родимую, на далекую²⁶.

Последнее о чем бы хотелось сказать, это то, что ссыльные на Сахалине могли вступать в браки. Так, на момент пребывания там А.П. Чехова в 1900 году законных семей было 860 и свободных, т.е. невенчаных 782. Женщины все были замужем²⁷. И как результат таких браков, Сахалинская каторга стала местом рождения таких известных в России людей, например, как Дмитрий Семенович Гирев (1889–1932) — русский полярный исследователь, участник экспедиции Роберта Скотта на Южный полюс, или Василий Сергеевич Ощепков (1892–1937) — первый русский обладатель черного пояса по дзюдо, профессиональный разведчик-нелегал в Японии и, самое главное, родоначальник борьбы «Самбо».

1. Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии. Очерки и рассказы из быта обитателей тайги. Харбин: Типо-Хромо-Литография и Издательство «Офсет-Пресс» Р.М. Бурсун. — 1934. — 225 с.
2. Гиляровский В.А. Беглый / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 368-373.
3. Гиляровский В.А. Каторга / В.А. Гиляровский. Трущобные люди: Рассказы, очерки, мемуары. М.: Эксмо, 2007. С. 81-87.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах, Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Эксмо, 2015. — 928 с.
6. Короленко В.Г. Соколинец / В.Г. Короленко Повести и рассказы в двух томах. Т.1. М.: Издательство «Художественная литература», 1966. С. 162-208.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото: роман, рассказы, повесть. Минск: Издательство «Беларусь», 1983. — 432 с.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Хлеб. М.: Правда, 1983. — 448 с.
9. Некрасов Н.А. Русские женщины / Н.А. Некрасов Стихотворения и поэмы. М.: «Советская Россия», 1984. С. 129-188.
10. Пикуль В.С. Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны. Книга вторая. М.: Современник, 1991. — 624 с.
11. Спиридон (Кисляков), архимандрит. Нерчинская каторга. Земной ад глазами проповедника. М.: Эксмо, 2019. — 368 с.
12. Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. М.: Правда, 1985. — 455 с.
13. Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина. — М.: Эксмо, 2013. — 224 с.

²⁶Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии. С. 62-63.

²⁷Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин. С. 268.